

Андрей Мамонов

Первая русская биография графа К.В. Нессельроде*

Andrey Mamonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The first Russian biography of Count K.V. Nesselrode

DOI: 10.31857/S086956872205017X, EDN: KLZGID

Если верить свидетельству гр. А.Д. Нессельроде, последнее, что сказал, умирая, его дед: «Будьте в своей жизни такими же счастливыми, как я! Прощайте!» (с. 332). Действительно, гр. К.В. Нессельроде (1780–1862) выпало редкое счастье. Сын титулованного дипломата, кочевавшего без явных провалов и выдающихся достижений по европейским столицам, он сделал в чужой для него поначалу стране (в которой впервые оказался

в 16 лет) блестящую карьеру: снискал милость четырёх царей, 50 лет состоял статс-секретарём, 40 лет управлял МИД и в 65 лет получил высший в империи чин канцлера. Покинув министерский пост в 75 лет по собственному заранее обдуманному и объявленному желанию, граф до самой смерти пользовался почётом, авторитетом и влиянием и скончался после недолгой болезни, исповедавшись и причастившись, сохраняя ясный ум и удивительное

* *Таньшина Н.П.* К.В. Нессельроде: искусство быть дипломатом. СПб.: Евразия, 2021. 352 с.

самообладание. Никогда не бедствуя, а после женитьбы в 31 год располагая огромным состоянием, он умел наслаждаться жизнью — систематическим трудом, музыкой, живописью, путешествиями, изысканной кухней и оранжереями, семейным счастьем с женой, отличавшейся тяжёлым характером, однако не только хорошо ладившей с мужем, но и во многом разделявшей его мироощущение и интересы. При этом около полувека ему доводилось находиться в центре крупнейших событий, происходивших в Европе от Тильзитского до Парижского мира, тесно общаться с их ключевыми участниками и самому быть одним из них.

Такая судьба, казалось, не могла не привлечь внимание современников и потомков. Между тем в отечественной историографии, как ни странно, давно и прочно закрепились даже не критические, а как раз «некритические», односторонние хулиительно-уничижительные оценки Карла Васильевича. Славянофилы и панслависты нещадно бранили его в письмах и дневниках (которые так ценят историки) за чрезмерную преданность Австрии и нежелание отождествлять государственные интересы с «народными» и «племенными» («славянскими»). Профессор М.П. Погодин, бредивший разделом Османской и Австрийской империй, образованием Славянского союза и т.п., в апреле 1854 г. утверждал, что для гр. Нессельроде «Россия не знакомее Китая», а «русская политика» канцлера «оказалась очевидно несостоятельной и... не принесла нам ничего, кроме вреда». Она будто бы «приносила в жертву все свои, самые дорогие, кровные интересы, отказываясь от священных чувствований», и «всё для Европейского порядка, который был, кажется, вышею, единственною её целью». В итоге «народы возненавидели Россию, а их правительства дружно выступили против неё»¹.

«Воплощённой бездарностью» избражал гр. Нессельроде С.С. Татищев, со скандалом покинувший в 1877 г. МИД, где прослужил всего несколько лет, но ставший затем одним из наиболее ярких исследователей и интерпретаторов дипломатии Николая I и Александра II (с. 6–7, 21–22). Со второй половины 1880-х гг. Сергей Спиридонович, дистанцировавшийся как от «легитимистов», так и от панславистов, выступал, по удачному выражению А.Э. Котова, «пропагандистом франко-русского сближения», и это не могло не отразиться на его отношении к графу, дорожившему австро-русско-прусскому союзу².

Наконец, уже в СССР пренебрежительную характеристику канцлеру дал в своей знаменитой «Крымской войне» академик Е.В. Тарле, чьи оценки потом не раз повторялись другими. Правда, в середине XX в. едва ли он мог позволить себе иначе отзываться о царском министре, имевшем к тому же репутацию «космополита». Неудивительно, что тот предстал перед читателями как «ограниченный человек», который, будучи даже «склонным к миру», мог только «угождать и лгать», угадывая желания монарха³. В то же время пушкинисты, начиная с П.Е. Щёголева, указывали на дружбу Ж. Дантеса и Л. Геккерна с графиней М.Д. Нессельроде, что, конечно, бросало тень и на её супруга (с. 87).

Весьма непривлекательно выглядел граф и в художественной литературе. Ф.И. Тютчев, считавший себя недооценённым дипломатом, сполна отомстил бывшему начальнику в едких эпиграммах. Прозаикам, от Ю.Н. Тынянова до В.С. Пикуля, оставалось лишь дополнить и раскрасить очерченный поэтом образ.

Дружные усилия историков и художников практически уничтожили репутацию канцлера. В итоге за полтора века так и не появилось ни одной

его научной биографии. Лишь с конца XX в. стали выходить посвящённые ему очерки и статьи, в которых устоявшиеся оценки понемногу смягчались и корректировались (с. 43–50). Более того, в них уже признаётся, что граф был «видным руководителем дипломатической службы империи», причём оставался «адекватен своему месту и времени по меньшей мере 30–35 лет» (с. 50)⁴. Кажется, этот рекорд с тех пор так никем и не превзойдён.

Уже поэтому выпущенная в свет в 2021 г. книга профессора Н.П. Таньшиной «К.В. Нессельроде: искусство быть дипломатом» является долгожданным, оригинальным и новаторским исследованием. Причём это очень смелая работа, деликатно и убедительно ставящая под сомнение многие привычные, въевшиеся в сознание предрассудки, подкреплённые к тому же авторитетом маститых учёных как дореволюционного, так и советского времени. Решить столь непростую задачу автору, безусловно, помогло глубокое погружение в историю международных отношений первой половины XIX в. Таньшина известна своей фундаментальной монографией о внешней политике Луи-Филиппа⁵, первыми в отечественной историографии обстоятельными научными биографиями кн. Д.Х. Ливен и Ф. Гизо⁶, а также замечательным очерком о К.О. Поццо ди Борго⁷. Эти труды словно бы исподволь, с разных сторон подвели исследовательницу к фигуре гр. Нессельроде.

Однако его долгую жизнь и многостороннюю деятельность, отразившуюся в огромном массиве документов, едва ли можно было сразу охватить во всей полноте. Не случайно никто ещё за это не брался. Достижение подобной цели потребовало бы, вероятно, не одного десятилетия. И книга Таньшиной «вовсе не претендует на полную биографию К.В. Нессельроде» (с. 56). Сужая и делая обозримыми рамки

своего исследования, Наталия Петровна отмечает: «Опираясь на письма графа Нессельроде, прежде всего неофициального, частного характера, адресованные близким и друзьям, мне хотелось раскрыть его личность, высвободить его, насколько возможно, от штампов и стереотипов, и позволить говорить ему самому» (с. 57).

Такую возможность дают прежде всего незавершённые воспоминания и 11 томов писем и бумаг канцлера, изданные его внуком в Париже в начале XX в.⁸ Они и лежат в основе книги. Конечно, историки обращались к ним многократно, но обычно они использовались лишь фрагментарно, и никогда раньше им не уделялось такого внимания. Но это, разумеется, не единственный источник. Таньшина также анализирует тексты, извлечённые из фондов АВПРИ (ф. 133, 137, 184) и ГА РФ (ф. 728), документальные сборники и журнальные публикации, дневники, мемуары и письма современников графа, публицистические произведения.

С большим уважением автор цитирует мнения своих предшественников, порою соглашаясь, порою полемизируя с ними. Она не просто учитывает их наблюдения и выводы, но находится в постоянном диалоге как с давно ушедшими историками, так и с ныне здравствующими коллегами — О.Р. Айрапетовым, О.В. Анисимовым, В.В. Дегоевым, Н.С. Киняпиной, Е.П. Кудрявцевой, В.Б. Михайловым, А.А. Орловым, А.В. Ревакиным, М.-П. Рэй, С.С. Татищевым, Е.В. Тарле, А.В. Черновым и др. Это придаёт монографии не только дискуссионность, но и некоторые черты «круглого стола».

Такой подход вполне естественен и оправдан, если учесть широкий круг сюжетов и проблем, в той или иной мере освещённых в книге. Это и первые шаги гр. Нессельроде на государственной службе, и его взаимоотношения

с Александром I и Николаем I, а также с русскими и европейскими дипломатами (прежде всего — кн. А.М. Горчаковым, гр. И.А. Каподистрией, кн. К. Меттернихом и К.О. Поццо ди Борго), с кн. Ливен и гр. М.Д. Нессельроде, и управление формирующимся МИД, и характеристика Венской системы, Священного союза и конгрессов пентархии в 1818—1822 гг., и поиски решения «восточного вопроса», и логика внешней политики России в период революций 1830 и 1848 гг., и потрясения Крымской войны, и осмысление причин и последствий поражения в ней. Причём, касаясь этих тем, исследовательница не раз оказывалась в затруднительном положении: заявления и поступки гр. Нессельроде зачастую неотделимы от истории русской дипломатии его времени, но погружаясь в её обстоятельства, легко выпустить из виду, потерять за переговорами великих держав собственно личную позицию канцлера и его роль в описываемых событиях. В целом, при изложении материала Таньшиной мастерски удаётся сохранять баланс между политическим и человеческим.

Конечно, при этом нельзя было вовсе избежать тех или иных лакун и некоторой недосказанности. Так, слишком бегло говорится о службе гр. Нессельроде в Париже в 1807—1811 гг. и о том, как он воспринимал расстановку сил и внешнеполитические интересы держав в эпоху наполеоновских войн, когда происходило его становление как дипломата. Кстати, освещая этот период деятельности графа, Таньшина упоминает, что именно ему «через известного дипломата графа Г.А. Строганова удалось доставить в Петербург важный документ — записку министра иностранных дел Франции Ж.Б. Шампиньи от 16 марта 1810 года, адресованную Наполеону». Как пишет исследовательница, «этот документ имел большое значение для

выяснения истинных целей внешней политики Наполеона относительно России» (с. 75). Но, к сожалению, не указано, что с тех пор «оригинальный текст записки так и не был найден во французских архивах» и, «возможно, записка являлась фальшивкой, проданной за деньги Ш.М. Талейраном русскому дипломату»⁹. Иными словами, вполне вероятно, что речь шла о масштабной дезинформации Петербурга, инициированной сторонниками русско-французского столкновения в Париже. В какой мере осознавал это будущий канцлер, или он просто оказался посредником и орудием в более ловких руках?

Анализируя отношения графов Нессельроде и Каподистрии, Таньшина убедительно показывает, что, несмотря на различные оттенки их взглядов, «серьёзных идейно-политических разногласий между ними не было». Не наблюдалось и острого внутриведомственного соперничества, напротив, разделение обязанностей скорее облегчало положение каждого из них и отнюдь не мешало взаимному уважению (с. 150—153, 179—183). Но с чем же тогда были связаны представления о «смертельной вражде» между ними, которые «получили широкое распространение как в общественном мнении, так и в историографии»? Исследовательница полагает, что в основе их — рассказы кн. Горчакова, «записанные за ним одним неизвестным автором в Ницце в 1881 и 1882 годах» и опубликованные в 1883 г. в «Русской старине» (с. 153).

В этих же «рассказах» гр. Нессельроде была приписана фраза: «Мы знаем только одного царя, нам нет дела до России» (с. 262). Комментируя её, Таньшина уже решительно утверждает, «что это фальсификация, поскольку данное “высказывание Горчакова”, на мой взгляд, совершенно не созвучно тем мыслям о России и её нацио-

нальных интересах, которые содержатся в обширной переписке графа Нессельроде» (с. 262–263). Но ведь даже если Карл Васильевич и не говорил никогда данных слов, это ещё не является свидетельством фальсификации горчаковских рассказов. Тем более что записаны они были не «одним неизвестным», а самим издателем «Русской старины» М.И. Семевским (в публикации он представлен как «М.-ский», но редакторские примечания не оставляют никаких сомнений в том, кто именно беседовал с кн. Горчаковым)¹⁰. У него был богатый опыт фиксации подобных разговоров с видными государственными деятелями и не имелось ни малейшей заинтересованности что-либо фальсифицировать. С его собеседником всё обстояло несколько сложнее. Князь с конца 1870-х гг. находился не просто в преклонном возрасте, а в состоянии прогрессирующей деменции, хотя в воспоминаниях о юности это проявлялось, видимо, не так резко, как на официальных совещаниях¹¹. Характерно, что тот же Семевский не исключал неточностей в самих рассказах (но не в передаче сказанного) и вскоре охотно опубликовал их «опровержение», составленное гр. Д.К. Нессельроде¹².

Но, скорее всего, кн. Горчаков далеко не случайно заговорил о «смертельной вражде» между статс-секретарями Александра I. Не следует забывать, что и другой бывший сотрудник гр. Каподистрии — гр. Д.Н. Блудов станет упорным оппонентом и недоброжелателем гр. Нессельроде (и одним из распространителей писем Погодина в высшем обществе). По-видимому, вполне корректные (во всяком случае, до 1822 г.) отношения двух графов (отразившиеся, в частности, в доверительных письмах гр. Нессельроде к жене) не исключали соперничества и даже вражды их канцелярий, сохранившейся потом на протяжении десятилетий.

Вопреки привычному в историографии противопоставлению двух последних канцлеров Российской империи, Танышина, опираясь на мнение гр. А.Д. Нессельроде, пытается найти у них нечто общее: привязанность к преданиям и нравам XVIII в., утончённую вежливость, пренебрежение модой и т.д. (с. 323–324). Пожалуй, можно бы добавить ещё недостаточно твёрдое владение русским языком (но тут впечатления современников не всегда совпадают). Однако отличия между ними всё же гораздо существеннее: это и жизненный опыт (один с юности находился в центре большой политики, второй до 56 лет — на третьих ролях), и стиль жизни (сочетание умеренности с привычкой к роскоши у одного и крайняя скупость у другого), и семейные отношения (крепкие узы, 37 лет связывавшие графа с женой, и скандальные похождения князя), и манера держаться (скромность при чувстве собственного достоинства и болезненный нарциссизм), и способ ведения дел (совершенно немыслимые для гр. Нессельроде попытки кн. Горчакова вести собственную политику, не всегда совпадавшую с императорской), и обстоятельства отставки, и положение в последние годы жизни, и проч.

Сближая гр. Нессельроде с его преемником, Танышина в то же время старается всячески вывести своего героя из тени кн. Меттерниха. Анализируя их контакты, исследовательница соглашается с Кудрявцевой в том, «что если поначалу они действительно напоминали отношения ученика и учителя, то со временем существенно трансформировались». Во всяком случае, в 1820–1840-е гг. Карл Васильевич не питал особого доверия к австрийскому канцлеру и не раз критически высказывался о его действиях (с. 173). Тем не менее нельзя отрицать, что их многое сближало,

причём не только аристократические вкусы и умеренность в повседневной жизни, но и определённые романтические нотки в мировоззрении, которые проскальзывают в книге, но требуют более подробного рассмотрения.

Заметно выиграл бы текст и от расширения материала, связанного с тем, как гр. Нессельроде и его политику воспринимали европейские дипломаты. Таньшина приводит свидетельства О. де Брэ, К. Фитцтума фон Экштедта и др., но этот круг, вероятно, может быть заметно дополнен французскими, британскими, австрийскими и прусскими государственными деятелями. А их суждения способны показать графа с неожиданной стороны. В этом убеждает, в частности, процитированный в книге отзыв О. фон Бисмарка, для которого гр. Нессельроде, по-видимому, навсегда остался одним из символов Ольмюца. «Этот дьявол в облике маленького человечка мне всегда был глубоко антипатичен, — признавался создатель Германской империи. — Он обладал способностью так спокойно и манерно вести разговор, что мы были вынуждены, из уважения к его возрасту и ради поддержания общей позиции, отказываться от своих самых действенных аргументов. Всякое обсуждение становилось невозможным. Он был одним из дипломатов канцелярии и салона, каких больше, к счастью, нет» (с. 327). Тут в самом раздражении чувствуется гораздо более сильное признание мастерства, чем в иных дифирамбах.

К сожалению, в монографии встречаются некоторые неточности. Так, в ней говорится, что «именно деятельность Священного союза стала одним из главных упреков в адрес Нессельроде со стороны либеральной общественности, обвинявшей его в проведении консервативной политики, направленной на борьбу с революционным и освободительным

движением в Европе» (с. 157). Это не вызывает возражений. Однако, следуя за публицистами XIX в., историк поневоле воспроизводит закрепившуюся в историографии путаницу, когда под «Священным союзом» подразумеваются и монархи, подписавшие 14(26) сентября 1815 г. туманно-мистический Акт о его образовании и присоединившиеся к нему, и конгрессы пяти великих держав (формально не имевшие к этой декларации никакого отношения и собиравшиеся на основании Шомонского и Парижского договоров), и вдобавок русско-австро-прусский союз, оформившийся в 1833 г. В целом же, «Священный союз» нередко рассматривается как синоним «системы Меттерниха» и «реакции», направленной на подавление национальных и революционных движений (в том числе и с помощью иностранной интервенции), о чём в Акте 1815 г. не было и речи. Между тем в 1818—1822 гг. тот же Меттерних ни разу не упоминал о «Священном союзе» на конгрессах пентархии, в которых участвовали и представители Англии, к Священному союзу, как известно, не присоединившейся. На необходимость учитывать и, по возможности, устранять столь странную «подмену терминов» уже указывалось историками¹³. Тем не менее «конгрессы Священного союза» в современной научной литературе продолжают существовать.

«Ещё одним основанием для упреков в адрес К. В. Нессельроде» Таньшина называет отказ России от продления Ункяр-Искелесского договора и подписание в 1840—1841 гг. Лондонских конвенций, согласно которым целостность Османской империи и запрет прохода военных судов через Босфор и Дарданеллы гарантировались сперва четырьмя, а затем пятью великими державами (с. 230). Исследовательница, соглашаясь с аргументами Айрапетова и Дегоева, признаёт, что «в результате изменения режима

Проливов Черноморское побережье России оказалось незащищённым перед лицом угрозы со стороны морских держав» (с. 239). Однако из проведённого ею анализа обстоятельств, связанных с заключением конвенций, видно, что Ункяр-Искелесийский договор, при всей его выгодности для России, не мог предотвратить усиления в Константинополе позиций Англии и Франции, а по мере того, как их влияние на Османскую империю становилось преобладающим, любые обещания султана превращались в фикции. Договариваться всё равно приходилось уже с Лондоном и Парижем. Конвенции 1840–1841 гг., собственно, и представляли собой первую попытку достичь такой договорённости. Причём в тот момент русской дипломатии удалось не только разъединить, но и столкнуть западные державы, что являлось несомненным успехом (с. 224–240). Прочно же закрыть проливы могла лишь успешная военно-морская операция, осуществлённая с согласия по крайней мере двух или трёх великих держав. И поиски путей сближения с Великобританией, возобновившиеся в середине 1840-х гг. (с. 250–260), представляются весьма симптоматичными.

Таньшина показывает, что при Николае I гр. Нессельроде был не безликим исполнителем воли монарха, а полноценным и незаменимым помощником, позволявшим себе высказывать мнения, не совпадавшие с царскими (с. 281–282, 335–339). Однако при этом немного ступёвывается одно обстоятельство, описанное, но не получившее развития в книге. Александр I, по сути, не посвящал своего брата в международные дела, и знакомиться с ними Николаю I пришлось уже после вступления на престол. Между тем ещё в 1816 г. гр. Нессельроде по поручению императора составил для собиравшегося посетить Англию

вел. кн. Николая Павловича записку о британских порядках, учреждениях и особенностях (с. 154–157). Иными словами, будущий царь с юности прислушивался к графу и в чём-то у него учился. В начале 1826 г., резко активизировав внешнюю политику империи, Николай I был совершенно не подготовлен к руководству ею. В этой далеко не спокойной обстановке, на фоне тянувшегося следствия над мятежниками, советы и разъяснения гр. Нессельроде, касавшиеся положения в Европе и на Востоке, приобретали особую ценность. А его умение оставаться в тени, повышая, точнее — создавая авторитет молодого, энергичного и инициативного монарха, вообще не имело цены. Вероятно, их взаимодействие в первый год нового царствования заслуживает дополнительного и самого пристального изучения. Скорее всего, оно должно было заметно отразиться и на их дальнейшем сотрудничестве.

Последние восемь лет, проведённые гр. Нессельроде во главе МИД, оказались наиболее драматичными. Россия столкнулась с волной европейских революций, затронувших в том числе союзные государства (Австрию и Пруссию) и родственные Императорской фамилии германские династии, вскоре обострилась борьба за влияние в Османской империи, приведшая к прямому столкновению сперва с Турцией, а затем и с англо-французской коалицией. Изложение этих событий в книге иногда может вызвать недоумение. Так, на основании фразы, которая «является апокрифом» («по коням, господа, во Франции революция!»), утверждается, будто в начале марта 1848 г. Николай I «был готов защищать ненавистного ему Луи-Филиппа» (с. 264)¹⁴. Уступки Фридриха-Вильгельма IV берлинским «либералам» объясняются его желанием «избежать участи Меттер-

ниха» (с. 268), бежавшего в Англию, а не опасением изоляции, грозившей Пруссии в охваченной революциями Германии. Про Ольмюцкое соглашение, подписанное 30 ноября 1850 г. главами правительств — кн. Ф. Шварценбергом и бароном О.Т. фон Мантейфелем, почему-то сказано, что его подписали 29 ноября «пруссский король и австрийский император» (с. 276). Однако общая атмосфера и основные тенденции того времени переданы автором верно.

Таньшина справедливо отмечает, что стремление Николая I и его канцлера к подавлению революционного брожения (чреватого, как хорошо помнили их поколения, Большой европейской войной) и восстановлению баланса сил и интересов в Германии объяснялось заботой не столько о принципах легитимизма и чувствах Габсбургов, сколько о стабильности западной границы Российской империи, сохранении спокойствия в губерниях Царства Польского и на Дунае. Разгром венгерской революции был жизненно необходим Российской империи именно из этих соображений и совершенно независимо от той или иной степени «благодарности» австрийцев. Вопреки распространённым представлениям, русские войска в 1849 г. воевали отнюдь не за них (хотя и по их просьбе и приглашению).

Тут, казалось бы, нельзя пройти мимо того, как и в какой мере координировались шаги и планы военного и дипломатического ведомств. И, в частности, в каких отношениях находились гр. Нессельроде и генерал-фельдмаршал кн. И.Ф. Паскевич. Однако эта тема практически полностью осталась за рамками книги. К сожалению, в ней не использована монография А.А. Кривопалова, раскрывающая военные аспекты внешней политики России 1848–1856 гг.¹⁵

В целом, хотелось бы лучше понять место гр. Нессельроде в кругу николаевских сановников, связи с которыми непосредственно влияли на деятельность канцлера. Среди них — и кн. А.И. Чернышёв, и гр. А.Ф. Орлов, и гр. П.Д. Киселёв, и кн. А.С. Меншиков, и др. Скупое сказано и о контактах графа с русскими дипломатами, за исключением Поццо ди Борго, портрет которого явно выделяется на общем фоне. Но даже барон П.К. Мейендорф, многолетний конфидент и соавтор канцлера, едва ли не ближайший его сотрудник, толком не представлен читателям, не говоря уже о товарище министра Л.Г. Сеньявине, бароне Ф.И. Бруннове, гр. П.П. Палене, Н.Д. Киселёве, Д.П. Татищеве, гр. М.И. Хрептовиче и др. Не менее любопытно было бы узнать о том, как складывалась работа графа с теми, кого можно назвать его «учениками». И здесь прежде всего вызывает интерес фигура барона А.Ф. Будберга, которого, как толковали и в России, и за рубежом, канцлер будто бы готовил себе в преемники.

Всё это в той или иной мере важно для понимания того, с чем гр. Нессельроде подошёл к испытаниям 1853–1856 гг. По мнению Таньшиной, «было бы неверно снимать с него полностью ответственность за войну», поскольку «он стоял во главе Министерства иностранных дел, а следовательно проигрыш российской дипломатии в поединке с западноевропейскими партнёрами должен быть отнесён и на его счёт» (с. 320). Однако исследовательница обоснованно отвергает упреки в том, будто канцлер безразлично относился к судьбе России и неверно оценивал обстановку, преувеличивая лояльность Австрии и преуменьшая решительность намерений Англии и Франции (с. 277–314). Вместе с тем остаётся вопрос: насколько граф был посвящён в грандиозные и совершенно нереалистичные планы раздела турец-

кого наследства, отразившиеся в собственноручных заметках Николая I начала 1853 г.? И когда посольство кн. Меншикова, задуманное в МИД как средство сохранения мира, превратилось в инструмент провоцирования войны при помощи заведомо неприемлемых условий? (с. 284, 287–290).

Вполне оправданно в книге подробно анализируется знаменитое «политическое завещание» гр. Нессельроде – всеподданнейшая записка, составленная им вместе с бароном Мейендорфом 11 февраля 1856 г. (с. 314–316)¹⁶. В ней не только указывалось, что «война вызвала для России неотлагательную необходимость заняться своими внутренними делами и развитием своих нравственных и материальных сил», причём «эта внутренняя работа является первою нуждою страны, и всякая внешняя деятельность, которая могла бы тому препятствовать, должна быть тщательно устранена» (с. 314), но и довольно тонко и точно очерчивались перспективы русской дипломатии на ближайшие годы.

Когда составлялась записка, Россия уже находилась в процессе сближения с Францией, и ему в тот момент не было альтернативы. Иные способы «расторгнуть сплотившуюся против нас коалицию и не допустить её пережить войну» отсутствовали. Констатируя это и даже не исключая, что «сближение это может со временем перейти в более тесный союз... если бы того потребовали благоприятные обстоятельства», граф не скрывал своего недоверия к Парижу. «Положительный и тесный союз» с ним канцлер считал слишком опасным: «Уверенный в нашей поддержке, Наполеон III видел бы в ней поощрение пуститься в новые предприятия, в которых могло бы оказаться для нас невыгодным ему сопутствовать в той мере, в какой бы он того желал»¹⁷. События 1859–1860 гг.

в Италии полностью подтвердили этот прогноз¹⁸.

Гр. Нессельроде предвидел, что император французов будет искать «опоры в революционных страстях или в угнетённых национальностях» и даже способен попытаться «захватить левый берег Рейна», т.е. затеять войны с Австрией и Пруссией, которые неизбежно затронули бы положение России. Поэтому Александру II рекомендовалось лишь «обнадежить Францию, что мы воспротивимся всякой европейской коалиции, какую бы Англия вздумала против неё направить». Однако «идти далее было бы неосторожно». Обещания Бонапарта, к тому же тесно связанного союзом с Англией, не стоили того, чтобы «подрывать наши добрые и полезные сношения с Пруссией или растревлять те, какие мы имеем с Австрией», которую «необходимость заставляет, и надолго ещё будет нас заставлять её щадить», поскольку «с раздела Польши между Россией, Австрией и Пруссией установилось взаимосохранение интересов, соблюдение коего, из этих трёх держав, наиневобходимее именно для нас». Напоминая, что в 1830–1831 гг. «польское восстание послужило тому достаточным доказательством», граф спрашивал: «Да и в последнее время коалиция, вызванная под предлогом восточного вопроса, не угрожала ли сплотиться ещё сильнее приобщением к нему и вопроса польского?»¹⁹.

По мнению Таньшиной, в данной записке граф признавал «ошибочность основных принципов, на которых строилась внешняя политика страны» (с. 314). Однако далее сама исследовательница приводит, пусть и в несколько усечённом виде, «его главный вывод»: «Прежде чем стать в разрыв с политической системой, которой держались сорок лет, и не по особому предпочтению или по блажи, а по непреодолимой силе принципов

и обстоятельств, мы должны хранить в уме, что на почве политики всякое тесное сближение равносильно обязательству. Но кроме того, не представляется ли и неосторожным, и несвоевременным основывать политическую систему на тесном союзе со страной, которая с 1815 года, и помимо всех европейских гарантий, была поприщем трёх революций, одна другой неистовее и демократичнее, среди которых обрушились в 24 часа две династии, твёрже, по-видимому, установленные, чем наполеоновская». При этом в записке дважды повторялось: «В разумных интересах России политика наша не должна переставать быть *монархической и антипольскою*»²⁰. Пожалуй, трудно было яснее выразить стратегическое, «принципиальное» значение русско-австро-прусского союза и предсказать, что станет поводом для следующего острого международного кризиса, с которым Российская империя столкнётся в 1861–1863 гг.

Проницательность Карла Васильевича признавали даже его недоброжелатели. Его записка была опубликована в 1872 г., но когда барон А.Г. Жомини «упомянул о завещании Нессельроде» в официальном отчёте о деятельности МИД в 1855–1880 гг., кн. Горчаков «просил его это пропустить для того, чтобы не говорили, что старый граф канцлер был пророком»²¹.

В последние годы жизни гр. Нессельроде сосредоточился на внутренних проблемах империи, подавая тем самым личный пример исполнения намеченной в 1856 г. программы. Он занимался прежде всего финансовыми и железнодорожными делами и даже успел подготовить М.Х. Рейтерна к назначению на пост министра финансов. Любопытно, что в новых условиях вновь оказались востребованы фритредерские идеи тестя канцлера — гр. Д.А. Гурьева (с. 121). Живо интересовался гр. Нессельроде и подготовкой

крестьянской, судебной и земской реформ, хотя к их проектам он относился с нескрываемым скепсисом (с. 328–329). В книге Таньшиной 1856–1862 гг. освещены ярко, но по необходимости слишком кратко. Видимо, этот период службы графа нуждается в специальном исследовании, в котором будут раскрыты его отношения с деятелями Великих реформ — Александром II, вел. кн. Константином Николаевичем (его, как и императора, престарелый канцлер особо пожелал видеть и «благословил» перед смертью²²), М.Х. Рейтерном, Н.А. Милютиным, А.А. Абазой и их оппонентами.

Н.П. Таньшиной удалось создать живой и выразительный портрет гр. К.В. Нессельроде, представив его «как дипломата, главу внешнеполитического ведомства, управленца, канцлера, хозяйственника и просто человека, мужа, отца и друга» (с. 56–57). Конечно, едва ли набожный англиканин был «русский по духу», как сказано в заключении (с. 340), но он всю свою долгую жизнь достойно служил Российской империи и сыграл в её истории видную роль. Хочется надеяться, что систематическое изучение его биографии только начинается, и книга Н.П. Таньшиной — важный отправной пункт на этом пути. Помимо прочего, она убедительно свидетельствует о том, что даже одна научная работа сильнее полуторавековых предрассудков и стереотипов.

Примечания

¹ *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны 1853–1856. М., 1874. С. 83–89, 226. Впрочем, издавая в середине 1870-х гг. свои памфлеты 20-летней давности, Погодин напечатал в качестве приложения и возражения канцлера, незадолго до этого опубликованные в «Русской старине». «Я счёл обязанностью присоединить спокойные, благородные замечания графа Нессельроде на мои горячие обвинения, выражен-

ные в первых трёх письмах, — писал в предисловии историк. — Нельзя не согласиться со многими из них, — судить о других предоставляется читателям» (Там же. С. 8).

² Подробнее см.: *Котов А.Э.* «Современный Алкивиад» С.С. Татищев // *Котов А.Э.* «Царский путь» Михаила Каткова. Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016. С. 272–307.

³ *Тарле Е.В.* Крымская война // *Тарле Е.В.* Сочинения в 12 т. Т. 8. М., 1959. С. 78–79.

⁴ *Михайлов В.Б.* К.В. Нессельроде. 40 лет во главе Российской дипломатии // *Международная жизнь.* 2001. № 9–10. С. 143.

⁵ *Таньшина Н.П.* Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М., 2005.

⁶ *Таньшина Н.П.* Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009; *Таньшина Н.П.* Франсуа Гизо. Политическая биография. М., 2015. См. также: *Таньшина Н.П.* Франсуа Гизо: теория и практика французского умеренного либерализма. М., 2000.

⁷ *Таньшина Н.П.* Карл Осипович Поццо ди Борго // *Вопросы истории.* 2008. № 4.

⁸ *Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. 1760–1856. Extraits de ses archives / Publiés et annotés par le comte A.D. de Nesselrode.* Т. 1–11. Р., 1904–1912.

⁹ *Безотосный В.М.* Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2014. С. 238–239. См. также: *Соколов О.В.* Битва двух империй. 1805–1812. СПб., 2012. С. 390–393.

¹⁰ Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого // *Русская старина.* 1883. № 10. С. 159.

¹¹ Подробнее см.: *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1878 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2009. С. 403, 432, 453, 488; *Милютин Д.А.* Дневник. 1879–1881 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2010. С. 90, 98, 121–122 и далее.

¹² Граф Каподистрия и граф К.В. Нессельрод. 1820–1821 гг. // *Русская старина.* 1884. № 1.

¹³ *Медяков А.С.* История международных отношений в Новое время. М., 2007. С. 191–197.

¹⁴ По свидетельству барона М.А. Корфа, император, напротив, с трудом скрывал злорадство, говоря: «Вот, наконец, комедия сыграна и кончена, и бездельник свергнут. Вот скоро восемнадцать лет, что меня называют глупцом, когда я говорю, что его преступление будет наказано ещё на этом свете, и однако ж мои предсказания уже исполнились; и поделом ему, прекрасно, бесподобно! Он выходит в ту же самую дверь, в которую вошёл» (*Корф М.А.* Записки. М., 2003. С. 411).

¹⁵ *Кривопалов А.А.* Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг. М., 2019.

¹⁶ Записка канцлера графа К.В. Нессельроде о политических соотношениях России // *Русский архив.* 1872. № 2. Стб. 337–344.

¹⁷ Там же. Стб. 342.

¹⁸ Подробнее см.: *Чепёлкин М.А.* Российская дипломатия и итальянский вопрос. 1856–1861. М., 1995.

¹⁹ Записка канцлера... Стб. 342–344.

²⁰ Там же. Стб. 344.

²¹ Дневник В.Н. Ламздорфа (1886–1890) / Под ред. Ф.А. Ротштейна. М.; Л., 1926. С. 76.

²² ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 3, с. 214–215.